

СЕМЁН
УРАЛОВ

ДВА КАПИТАЛА

КАК ЭКОНОМИКА
ВТЯГИВАЕТ РОССИЮ
В ВОЙНУ



 ПИТЕР®

Семен Уралов

Два капитала: как экономика втягивает Россию в войну

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11998890

*Два капитала: как экономика втягивает Россию в войну: Питер;
Санкт-Петербург; 2016
ISBN 978-5-496-02073-2*

Аннотация

Семен Уралов – политолог, шеф-редактор аналитического проекта «Однако. Евразия». Специалист в области политической экономии и евразийских интеграционных процессов.

Россия стремительно движется к возрождению национального суверенитета и собственной идентичности. Но в рамках «вашингтонского консенсуса» ей отведена роль периферийной экономики, которая должна придерживаться правил развития, диктуемых МВФ, ВТО и остальными регуляторами глобальной экономики. На наших глазах разворачивается масштабный конфликт между Россией и США. Насколько этот конфликт имеет шанс стать мировой войной, втягивая в себя всё большее и большее количество участников?

Автор книги, неоднократно бывавший в различных «горячих точках» евразийского пространства, раскрывает перед читателем

суть и смысл происходящих событий и объясняет, что нашей стране необходимо предпринять, чтобы не проиграть в грядущей войне.

В книге Вы найдете ответы на вопросы:

- Как экономика втягивает страны в глобальные конфликты?
- Где проходят фронты Третьей мировой?
- Финансовый и промышленный капитал: за какие ресурсы идет борьба?
- Почему экономическая модель современной России неизбежно ведет ее к военному конфликту с США?
- Как поведут себя национальные элиты в условиях мировой войны?
- Какая модель экономики, государства и общества нужна России, чтобы выстоять?

Грозят ли России новая колонизация и новый феодализм? Наши предки сдали свой исторический экзамен. А нашему поколению это еще предстоит.

Содержание

Введение	6
Глава 1. Экономические модели СССР – России и кризис государства	21
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Семен Уралов

Два капитала: как экономика втягивает Россию в войну

Технический редактор *Е. Семенова*

Литературный редактор *О. Андросик*

Корректор *С. Беляева*

Верстка *Л. Соловьева*

© ООО Издательство «Питер», 2015

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

* * *

Введение

«Действия России на Украине бросили вызов послевоенному порядку», – заявил Обама, открывая Генеральную Ассамблею ООН 24 сентября 2014 года. Президент США в своей исторической речи поставил Россию в ряд угроз миру наряду с террористами в Сирии и Ираке и лихорадкой Эбола.

Фактически впервые после крушения СССР была официально заявлена доктрина курса на противостояние с Россией.

В воздухе давно витала атмосфера полного недоверия между Москвой и Вашингтоном. Каждый год кольцо военных баз США и НАТО сжималось вокруг России. Помимо военных угроз все чаще и чаще на периферии РФ возникали бунты и государственные перевороты, которые СМИ стыдливо называют цветными революциями. «Бульдозерная революция» 2000 года в Белграде и падение Милошевича. «Революция роз» в Тбилиси-2002 и утрата власти Шеварнадзе. «Оранжевая революция» в Киеве-2004 и победа Ющенко. «Тюльпановая революция» в Бишкеке в 2005 году и бегство Акаева. Сожжение парламента в Кишиневе-2009 и отстранение от власти Воронина. И наконец, апофеоз – Евромайдан-2014 и гражданская война на Украине.

Практически всегда в результате цветной революции к власти приходят люди, которые либо прямо управляются из Госдепартамента, либо являются убежденными врагами

России. В любом случае дальнейшая политика ведет к обрыву экономических связей, усилению антироссийской истории, росту национализма и часто приводит к гражданским войнам. Так было и в Таджикистане в 1993 году, и в Молдавии в 1990-м, и в Грузии в 2008-м. Так сейчас происходит на территории бывшей Украины.

Политика России по отношению к собственной национальной периферии удивляет своей предсказуемостью. Фактически Москва с момента краха Сербии и утраты позиций на Балканах продолжает двигаться по чужому сценарию, суть которого заключается в том, чтобы заставить российскую экономику нести издержки по поддержанию стабильности на периферии. И одновременно расфокусировать внимание политического руководства в Москве, которое будет вынуждено заниматься «пожаротушением» на своих границах, вместо того чтобы заниматься собственным развитием и борьбой за лидерство.

Причем мнение Москвы совершенно не имеет значения. Российскую Федерацию ведут в коридоре решений, каждое из которых ухудшает стратегическую позицию. Так бывает всегда, когда двигаешься в логике противника, вместо того чтобы навязывать свою логику.

«Проблема в том, что Вашингтон не способен принять существование сильных независимых стран, таких как Россия или Китай. Доктрина Вулфовица требует от США поддерживать статус единственной силы. Эта задача требует от Ва-

шингтона «предотвращать появление враждебных сил, способных доминировать в регионах и развиваться в супердержавы» – пишет республиканский политэкономист из США Роберт Крейгс.

Россия – угроза для США не потому, что стала слишком сильной, и не потому, что успешна ее экономическая модель. Вовсе нет. Просто проект глобального финансового капитализма, который обеспечивает гегемонию США и транснациональных корпораций, не подразумевает никакого иного суверенитета, кроме глобального. Неолиберальная доктрина о «конце истории», озвученная устами Фукуямы, действительно является господствующей идеологией США. Для российского правящего класса, привыкшего двигаться во внеидеологической, вульгарно-экономической логике, просто невозможно представить, что кто-то в этом мире имеет идеологическую доктрину и придерживается ее. Мы забыли те семьдесят лет собственной истории, когда внешнеполитические и хозяйственные успехи страны были связаны именно с наличием внятной идеологии.

Вторая проблема России в противостоянии с США заключается в непонимании истинных мотивов и целей противника. Россия является эволюционным государством, но понять действия США в эволюционной логике просто невозможно. США – это государство-проект, у которого была задумка и конкретные цели. В основании США лежит право частного капитала на доминирование. Независимость США

началась с права не платить налоги в британскую казну. В основании государственных интересов США лежит принцип экономического доминирования. Мы не должны забывать, что имеем дело с субцивилизацией колонистов, которые подчинили себе весь континент и стали мировым народом.

Идеологии тотального экономического доминирования подчинена вся политика США в отношении конкурентов. Россия или Китай с точки зрения идеологии глобального финансового капитализма ничем не отличаются от племен гуронов или делаваров, а то, что Россия распоряжается богатствами Сибири и Урала – такое же досадное недоразумение, как собственность индейского племени на остров Манхэттен.

Нельзя сказать, что господствующая идеология глобального финансового капитализма является изобретением XXI века. Наоборот, мы имеем дело с творческим развитием идеологии доминирования Британской империи. Идеология глобального финансового капитализма уходит корнями в протестантскую философию. В основу идеологии положена протестантская этика, описанная Максом Вебером. Утверждение, что в протестантских странах сформировался более зрелый и эффективный капитализм, – это главный тезис и основа основ глобального финансового капитализма. Особого капитализма, который в свою очередь сформировал особый тип человека.

Если доводить до идеологического основания идеи

исключительности протестантского мышления, то рано или поздно мы придем к старому доброму расизму. Разделение народов на способных к экономическим успехам и неспособных рано или поздно приведет к желанию доминировать любой ценой. Что, собственно, и произошло с господствующей идеологией в США.

Жажда доминирования, основанного на вере в собственную исключительность и ущербность остальных стран и народов, не могла не привести к новому мировому конфликту.

«Конец истории», объявленный неолибералами в Вашингтоне, это не что иное, как «Тысячелетний рейх» нацистской Германии или европейская империя Наполеона.

Каждое столетие нового времени рождает идеологию, которая претендует на универсализм и переустройство всего мира.

По большому счету перед нами разворачивается новая историческая спираль колонизации.

Первый всплеск капитализма был связан со стремительным освоением новых континентов. Столкновение предприимчивых западноевропейцев с традиционными и эволюционно развивающимися обществами и государствами Индии, Америки, Океании, Азии, Индокитая и Африки привело к первой волне колонизации. Успехи периода первичного накопления капитала были обеспечены доступом к дешевому сырью и рабочей силе колоний, а также контролем над торговыми путями.

Государство инвестировало в колонизацию военную мощь, а частные агенты обеспечивали экономическое доминирование. Так, экспедиционный корпус брал под контроль богатые индийские или африканские регионы, а частный капитал получал подряды на добычу полезных ископаемых, работоторговлю и выращивание специй. Частный торговец обеспечивал доступ колониальных товаров на лондонские или парижские рынки. За безопасность торговых путей отвечал государственный морской флот. Таким образом, в ходе первой капиталистической колонизации образовалась спайка «частный капитал – государственные вооруженные силы», которая обеспечивала эффективное освоение новых территорий.

Первая мировая война, которую принято отсчитывать с осени 1914 года, на самом деле началась намного раньше. Просто первые фронты пролегли в колониях. Англо-бурская война 1899–1902 годов на территории современной ЮАР была прологом Первой мировой. Затем в 1905 году разразился танжерский кризис, когда Франция и Германия сражались за контроль над султанатом Марокко.

Вторая мировая война на самом деле также была борьбой за право колонизации. В британской прессе 1940-х годов прямо писали, что Гитлер хочет лишить Империю колоний и что это главная угроза процветанию каждого подданного Ее Величества.

Соответственно, главный политэкономический итог Вто-

рой мировой войны заключался не в разгроме Гитлера, а в том, что по итогам мировой бойни Британия утратила влияние на свои колониальные периферийные рынки и передала пальму первенства США. В системе глобального капитализма это выразилось в том, что валютой мировой торговли стал доллар США, а не британский фунт. И морские торговые пути начали контролировать военно-морские силы США, а не Великобритании.

После крушения СССР, который в меру сил пытался построить альтернативу глобальному финансовому капитализму, наступил период третьей колонизации.

Только в отличие от Второй мировой, когда СССР пытался предъявить альтернативную глобальному капитализму идеологию и хозяйственно-экономическую систему, сегодня ситуация больше напоминает Первую мировую. Как и 100 лет назад, Россия является страной периферийного капитализма, который характеризуется низкотехнологичным производством и критической зависимостью от добычи и продажи извлекаемых ресурсов.

Слаборазвитое производство средств производства приводит к зависимости от внешних рынков. Если ты строишь свою экономику на доходах от продажи нефти и газа, то надо не только их добывать, но и создавать инженерное оборудование для разведки, добычи, транспортировки и переработки. Вместо того чтобы сконцентрироваться на усложнении производства и повышении уровней технологических пере-

делов, постсоветская Россия попала в ловушку догоняющего развития. Нет развитого производства средств производства – ты зависишь от чужих технологий. Нет суверенной валюты – ты зависишь от биржевых цен, на которые никак не влияешь. Нет автономной банковской системы – ты даже не можешь открыть филиал государственного банка в новоприсоединенном Крыму.

Ловушка, в которую попала Россия, согласившись на периферийное место в глобальном финансовом капитализме, несет исторический проигрыш.

Третья мировая война – это не мрачный прогноз и не страшилка для обывателя. На самом деле Третья мировая уже идет. Просто сегодня фронты проходят в колониальных экономиках, откуда финансовый капитал стремится вытеснить российский капитал, который преимущественно является государственным и промышленным.

Победа Евромайдана в Киеве и последующая гражданская война на Донбассе стоила России сворачивания кооперационных связей с производствами Харькова, Запорожья и Днепропетровска. Война на Донбассе и интеграция Крыма съедает финансовые запасы РФ.

Война в Сирии и, как результат, угроза военной базе РФ в Тартусе заставляют держать дополнительные силы в Средиземном море.

Мировая война – это в первую очередь битва экономик и проверка государства на способность проводить хозяй-

ственную мобилизацию.

Германская империя Гогенцоллернов проиграла Первую мировую, потому что народ и армия просто не смогли терпеть тяготы и лишения войны. Российская империя была разрушена в ходе Февральской революции под влиянием глубокого экономического кризиса. Правительство не справлялось с инфляцией, цены на основные товары росли ежедневно, а цена человеческой жизни стремительно снижалась, потому что оружие появилось во всеобщем доступе, а правоохранительная система деградировала. Российскую армию, в свою очередь, разрушили не большевики со своей агитацией, а коррупция интендантов, воровство службы тыла, четыре года сидения в окопах и война за неясные цели.

Любая война – это огромный бизнес, на котором формируется паразитарная прослойка элит, подтачивающая экономику и хозяйство изнутри.

Каждая мировая война меняла расстановку сил на экономической карте мира, потому что проигравшая сторона становилась объектом колонизации и освоения ее рынка. После каждой войны народ, загнанный в нечеловеческие условия, готов на любую работу на любых условиях – лишь бы был мир. Поэтому чем больше разрушений в ходе войны, тем интенсивнее эксплуатация наемных рабочих после.

Война нужна капиталу после того, как он заводит экономическое развитие в очередной кризис. Вторая мировая была нужна США, чья экономика погрузилась в Великую

депрессию. Поставки вооружений, машин, станков, готовой одежды дали толчок экономическому развитию стагнирующей экономики США.

Эта же война была нужна Германии, чтобы загрузить заказами тяжелую промышленность и машиностроение, которые задохнулись без доступа к ресурсам. Для доступа к нефти захватывали Норвегию, ради угля аннексировали Рурский бассейн. Поэтому нацистская армия рвалась за каспийской нефтью в Баку и Закавказье. В этих же целях была расширена производственная база за счет поглощения промышленности Чехии. Поэтому был необходим бесплатный труд в концентрационных лагерях.

Война дает возможность списать долги и повесить издержки на проигравшего. Наконец, война является масштабным бизнесом, в котором участвуют элиты. Соответственно, глобальному капиталу необходима война на мировом уровне. Играют в мировую войну представители глобальных элит, чьи дети никогда не умрут от голода и не погибнут под бомбежками. Только мировая война способна обеспечить пресловутый «конец истории» и открыть путь к новой колонизации. На этот раз континента Евразия.

Не ставлю целью испугать читателя. Просто многолетнее изучение государств национальной периферии заставляет взглянуть на процессы по-другому, нежели из России. И совершенно по-другому, чем из Москвы. Изучив всю Украину от Ужгорода до Донецка, Южную Осетию, Киргизию, Та-

джикистан, Армению, Казахстан, Беларусь, Приднестровье и Молдавию, понимаешь, что фронты Третьей мировой уже проложены.

Патриотическая негa, в которую погрузил российское общество федеральный телевизор, может сыграть злую шутку с Россией. Государственная идеология консерватизма и охранительства не дает внятных ответов на вызовы времени. И самое главное, такая идеология не способна родить проект будущего.

В то же время запрос на новую идеологию в российском обществе есть. Патриотическая эйфория, вызванная присоединением Крыма, на самом деле очень тревожный звоночек для системы. Потому что такие мощные эмоциональные колебания народных масс чреваты крайностями. У народа от любви к власти до ненависти один шаг. Народ жаждет идеологии, а вместо политических целей и мировоззрения его кормят идеологическими суррогатами и пустыми лозунгами.

Под идеологией имею в виду не набор патриотических мантр, а описание картины мира, постановку политических целей и критическое отношение к действительности. Причем в первую очередь необходимо описание политэкономической картины мира, потому что внутри глобальной модели финансового капитализма Россия обречена на проигрыш и колонизацию. Если не будет изменена экономическая и хозяйственная модель, то несколько лет торгово-экономиче-

ской войны (так называемые санкции) и издержек на локальные войны по периметру попросту истощат финансовые запасы РФ. Если не будет массовых чисток среди элит и запуск социальных лифтов во власть из народных масс, то война превратится в доходный бизнес для правящего класса. Россию, как и 100 лет назад, могут погубить коррумпированные интенданты, нерадивые подрядчики и чиновные воры.

Как это может произойти, видно на примере контрсанкций. Например, благодаря торговым ограничениям на поставки овощей и фруктов из Польши на рынке РФ образовался товарный дефицит, который элиты, привыкшие действовать в сугубо финансовой логике, ликвидировали путем новых закупок на внешних рынках. Раньше покупали польские яблоки, теперь покупаем аргентинские. В то время как единственно правильным решением было бы вложение в собственное сельхозпроизводство.

Аналогично обстоят дела в профильных отраслях. Вместо того чтобы модернизировать собственные нефтеперерабатывающие заводы, российские корпорации многие годы покупали и инвестировали в нефтеперерабатывающие заводы на территории Украины и загружали по давальческим схемам НПЗ Беларуси. В то время как продажа готового топлива не только дает дополнительную торговую прибыль, но также является фактором влияния на экономику других государств.

Торгово-экономическая война – отличный повод переве-

сти хозяйство в мобилизационный режим и автономизировать производство. Интенсивное развитие собственного производства и промышленная кооперация с ближайшими союзниками – вот единственный шанс победить в Третьей мировой. Так же как победа во Второй мировой была обеспечена не только героизмом советских солдат и талантом командующих, но и блестящей эвакуацией производств за Урал и трудовыми подвигами в тылу. Если же будет выбрана тактика сохранения действующей хозяйственно-экономической и социальной модели, то Третья мировая для России перейдет в горячую стадию после того, как истощатся финансовые резервы. А это обязательно произойдет, потому что пока мы не создали собственную финансово-экономическую систему, наши запасы зависят от тех, кто управляет печатным станком. Потому что невозможно финансово выстоять против доллара США, пока российский рубль является периферийной валютой этого самого доллара.

Надо понимать, что Третья мировая уже идет. Просто она немного не похожа на те войны, которые мы привыкли видеть в фильмах и о которых читали в книжках. Однако каждая новая война не похожа на предыдущие. Генералы, как известно, готовятся к прошлым войнам. В то время как Третья мировая будет отличаться от Второй не меньше, чем Вторая – от Первой.

Вершиной нечеловеческого зверства в Первую мировую оказалась химическая атака под Ипром, когда немцы распы-

лили 170 тонн ядовитого газа. Но всего через 30 лет Вторая мировая явила миру атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки армией США и концентрационные лагеря нацистов.

Бомбежки мирных городов Донбасса, массовые расстрелы гражданских боевиками ИГИЛа, свержение Каддафи, Хусейна и Милошевича путем прямого военного вторжения – это не просто кадры из телевизора. Это реальность, которая кажется пока что виртуальной.

Сидя в отапливаемой квартире в Москве, Питере, Екатеринбурге, Новосибирске или Краснодаре... слушая радио в машине или читая газету в метро.... взяв ипотеку или открыв свое дело в стабильной и понятной России, Беларуси и Казахстане, можно подумать, что Третья мировая – что-то иллюзорное и нереальное.

Примерно так же думали жители чистого, ухоженного и богатого Донецка в 2012 году, когда принимали футбольные матчи Еврокубка. Когда улетали из современного донецкого аэропорта имени Прокофьева на курорты, в Москву и Лондон. Так же спокойно чувствовали себя выпускники вечером 21 июня 1941 года, потому что для них Вторая мировая еще не началась. Хотя на самом деле она шла в горячей фазе уже с 1939 года. А по большому счету началась в Испании в 1937 году.

Но чем дальше от Москвы и крупных мегаполисов, тем отчетливее видны фронты Третьей мировой. Об этом я и по-

пытаюсь рассказать читателю. Основываясь на личном опыте и при помощи политэкономического, политологического, социологического и евразийского методов анализа.

Глава 1. Экономические модели СССР – России и кризис государства

Как уже говорилось, у Третьей мировой слишком много фронтов – и большинство из них сегодня нам кажутся незначительными. Так, всего три года назад террористы, которые завелись в сирийской пустыне, казались обычным делом для Ближнего Востока. Одной террористической организацией больше, одной меньше. Однако именно в Сирии из террористической организации получился ИГИЛ, теперь уже не просто военно-политическая организация. Всего за два года ИГИЛ шагнул от террористической группы до прото-государства. Но на самом деле истоки роста ИГИЛа вовсе не в финансировании и идеологии. Корень ИГИЛа находится в оккупации Ирака и демонтаже светской государственности имени Саддама Хусейна. Образование вакуума власти в ходе интервенции открывает возможности для террористических групп вроде ИГИЛа стать государством. Поэтому корни ИГИЛа надо искать в 2002 году, когда было принято решение военного вторжения в Ирак. После демонтажа государства Ирак был колонизирован по привычной схеме: нефтяные корпорации получили доступ к месторождениям, инженерно-строительные и частные военные компании

отхватили многомиллиардные подряды, иракские коллаборационисты – посты и откаты. Обычная колонизация вроде крестового похода. Ничего нового.

Так как фронтов Третьей мировой очень много и понять сегодня, какие из них будут стратегическими, а какие – локальными, мы не можем, то имеет смысл сосредоточиться на анализе политэкономических оснований войны. И попытаться понять, почему Россия медленно, но верно втягивается в мировое противостояние.

Политэкономическая модель современной России – своеобразная мутация советской социально-экономической модели, интегрированной в мировой рынок. Чтобы разобраться в политэкономии РФ, надо начать с истоков экономики и хозяйства РСФСР, наследницей которой является Россия.

Социально-экономическая модель СССР до сих пор считается загадкой и политэкономическим феноменом. Потому как не совсем понятно, за счет каких ресурсов совершались научно-технические прорывы и ставились экономические рекорды.

Принято считать, что Советский Союз был социалистическим государством, где каждый член общества был собственником средств производства и поэтому мог пользоваться частью общесоюзной добавленной стоимости и прибыли. Действительно, идеология была социалистической, и общество двигалось в социалистической логике, где интересы частного лица подавлены интересами коллектива. Одна-

ко официальная идеология социализма все-таки отличалась от экономической реальности, потому что главный вопрос общественного строя – это вопрос о том, кто изымает добавленную стоимость и получает основную прибыль. А реальность была не совсем социалистической.

Если на дворе феодализм, то добавленная стоимость изымается сеньором в виде товаров или услуг. Крестьянин должен отдать либо готовый продукт, либо свой личный труд, отработав барщину. По мере развития капиталистических отношений возникло разделение труда и стало усложняться производство. Одновременно на дворе началась эпоха великих географических открытий и появились новые, доселе неведомые рынки.

Один рейс за пряностями в Индию давал прибыль, соразмерную десятилетиям выращивания овощей в графстве Кент. Торговля оружием с африканскими вождями в обмен на рабов и последующая их перепродажа на плантации Северной Америки давала прибыль в 5000 % и более.

Параллельно с капиталистической колонизацией новых рынков стремительно рос спрос на новые военные технологии и их промышленное внедрение. Одно кремневое ружье, произведенное в Англии, равнялось по стоимости либо слитку золота, либо ящику специй, либо десятку черных рабов – смотря с кем и в каком веке происходил обмен.

В новых условиях добавленная стоимость стала изыматься уже не в пользу конкретных феодалов, а в пользу обезли-

ченных групп. Так появились британская, датская, французская и голландская Ост-Индские компании, банки с историей в сотню лет. Кстати, Россия потеряла контроль над Аляской как раз с помощью такой «Российско-Американской компании», которая была учреждена в 1799 году и прекратила свое существование только в 1881-м.

Появление обезличенных компаний, занимающихся колонизацией новых рынков с помощью торгово-финансового капитала, породило новый тип общественных отношений. Капитал стал виртуален, а принуждение к труду более не было откровенным. Это раньше барин мог выгнать тебя на поле, потому что надо отрабатывать барщину. Теперь никого не надо было гнать с палкой в поле. Наемному рабочему платится жалованье за его труд, но он даже не догадывается, что его вклад в получение добавленной стоимости намного больше, чем выдает по ведомости бухгалтер. Сложные экономические системы, построенные на разделении труда, где один цех или филиал не понимает, чем занимаются коллеги, а товар продается на мировом рынке, приводят к тому, что капитал получает сверхприбыли. Такой принцип мы можем видеть и по сей день. Так, себестоимость смартфона iPhone 5s составляла 210 долларов, в то время как в рознице он стоил 649 долларов. Кому досталась торговая надбавка в 400 долларов? Аналогично обстоят дела с производством оружия и добычей нефти.

Нефтяник «Лукойла» имеет хорошую по сравнению

с бюджетниками зарплату и не задумывается, какую прибыль с его труда получит акционер из Москвы или Лондона, который никогда и не бывал в Тюменской области. Наемный рабочий продает свое время, а свой труд не рассматривает как капитал. Плодами труда наемного рабочего пользуется кто-то другой, о чьем существовании сам рабочий не догадывается.

Поэтому центральный вопрос политэкономии «Кто изымает добавленную стоимость?» не менялся последние 500 лет с момента зарождения капитализма. В евроатлантической модели добавленная стоимость изымается частным капиталом, который приобретает разные организационные формы в разные исторические времена. Это может быть Ост-Индская компания, инвестиционный фонд, акционер или международная корпорация.

В России дела с изъятием добавленной стоимости обстояли и обстоят немного иначе, чем в Западной Европе и Евроатлантике. Маркс назвал российскую специфику «азиатским способом производства» – когда изъятие добавленной стоимости совершает государство, а не частный капитал. Если в Евроатлантике государство является инвестиционным проектом частного капитала, который вступает в партнерские отношения с государственным аппаратом, то в России центральным экономическим субъектом является государство. Государство в русской культурной традиции было и остается главной ценностью. Торговец, купец, барышник,

спекулянт и фарцовщик занимали невысокие места в государственной и социальной иерархии. Огромными территориями, разбросанными в десяти часовых поясах и состоящими из сотен народов и тысяч народностей, управлять можно только при наличии эффективного и жесткого государства.

Каждый кризис в России был связан именно с кризисом государства, а не с кризисом производственных отношений. Эффективная в России государственная модель всегда основана на жесткой вертикали власти, которая опирается на народные массы. «Хороший царь и плохие бояре» – вот универсальная формула власти в России. Капиталу не удалось стать владельцем государства в России. Слишком необъятны просторы и слишком огромны расходы на оборону и поддержание жизнедеятельности, чтобы такие задачи смог решить частный капитал, который в принципе «заточен» на извлечение прибыли, а не на развитие территорий и народов.

Россия была втянута в Первую мировую войну как раз в ходе ослабления государственной власти, которая попала под сильное влияние частного капитала. Стремительное развитие капиталистических отношений в конце XIX века привело к размыванию власти и появлению независимых центров влияния. Война была выгодна капиталу, в то время как шла вразрез с интересами государства. Россия не участвовала в борьбе за африканские, ближневосточные и азиатские колонии, развернувшейся между Германией, Францией и Великобританией. Российская империя обладала огром-

ными пространствами и богатствами и была способна обеспечить саморазвитие на несколько столетий вперед. Но вместо интенсивного развития Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока влезла в бессмысленную войну в перенаселенной Европе.

Ответом на кризис государства в Российской империи была «цветная» Февральская революция, которая никакой революцией, конечно, не была, потому что на повестке дня стояла не смена общественного строя, а ликвидация государственной власти в лице царя. Февральская революция стремительно сменилась Октябрьской, когда заявку на власть подали большевики – организация, стоявшая на таких же государственных позициях, что и отставленная монархия. Только если монархическая власть опиралась на дворян и крупный частный капитал, то большевики опирались на городской промышленный пролетариат.

Наивно полагать, что большевики победили, потому что боролись за социализм. В любые смутные времена развивается война за власть, и в ход идут любые лозунги. Чем больше популизма, тем эффективнее. Потому что изголодавший и уставший от войны народ пойдет за любым, кто обеспечит порядок, работу и прокорм.

Фактически СССР – это переучреждение Российской империи на новых политэкономических основаниях. Государство в лице Совнаркома присвоило себе монопольное право на изъятие добавленной стоимости. Сначала была попыт-

ка ввести государственную монополию на все средства производства с помощью проекта «военный коммунизм», однако вскоре пришлось идти на уступки мелким собственникам из числа крестьян и городской буржуазии. Оказалось, что государство не способно обеспечить внутренний рынок товарами народного потребления, в связи с чем пришлось объявить НЭП. Государство практически устранилось из потребительского рынка и сосредоточилось на построении индустрии и промышленности. То есть приступило к выполнению задач, соразмерных централизованному государству.

После нескольких пятилеток построения государственной индустрии и создания собственной производственной базы частный капитал был вытеснен отовсюду. Испытания экономической модели, вызванные Второй мировой, привели к еще большей централизации государства и монопольному праву управлять экономическими процессами.

СССР в период своего наивысшего развития, в середине 1970-х годов, мог позволить себе управление такими экономическими проектами, которые в современной РФ кажутся просто фантастикой. Освоение целины и формирование аграрного региона «Южный Урал – Западная Сибирь – Казахстан». Послевоенная индустриализация Средней Азии. Восстановление разрушенной в ходе войны промышленности и социальной инфраструктуры УССР и БССР. Создание сетевой компании гражданской авиации «Аэрофлот», которая осуществляла и межконтинентальные перелеты, и рей-

совые перевозки вертолетами в Сибири и на Кавказе. Стремительное освоение космоса. Планы по перебросу части стока сибирских рек в Среднюю Азию. Отраслевая вертикальная интеграция, создание государственных мегакорпораций, массовое возведение социальной инфраструктуры, тотальная безопасность – Советский Союз был интереснейшим политэкономическим феноменом.

На уровне идеологии в СССР был объявлен социализм. Но на уровне производственных отношений и монопольного права на изъятие добавленной стоимости в Советском Союзе все-таки господствовал капитализм, но капитализм государственный, основанный на том самом марксистском «азиатском способе производства». Государственный капитализм постоянно вступал в конфликт с идеологией. С одной стороны, налицо был рост социальных благ и забота о развитии граждан, но с другой стороны, социальный успех измерялся не грамотами от начальства, а возможностью достать дефицитный товар и наличием блата. Социалистическую идеологию разъедала реальность госкапитализма. Это было не так заметно в провинции, однако в Москве социальная несправедливость уже к концу 1970-х годов обрела зримые черты. Так, товаровед комиссионного магазина с минимальным окладом и образованием на уровне техникума советской торговли был более социально успешен, чем младший научный сотрудник или инженер. Представители элитной прослойки вроде партийных и профсоюзных функцио-

неров, промышленных директоров, академиков и силовиков жили в комфортной среде потребления и социального успеха за счет созданной государством системы специализированного премиум-потребления (так называемых спецмагазинов).

Специфика госкапитализма СССР заключалась в том, что главным торговым регулятором было распределение, а не рынок. Для того чтобы приобрести товар, было недостаточно иметь деньги. Социальные связи, в народе называемые блатом, были важнее. Так возникала сложная система взаимоотношений в обществе, где государство владеет всем. Получалось, для того чтобы быть социально успешным, надо быть интегрированным в систему госкапитализма.

Поскольку добавленная стоимость изымалась государством централизованно, то вторым торговым регулятором был дефицит. Госплан мог выйти на понимание отраслевого потребления – подсчитать, сколько надо гражданину сапог, а металлургическому заводу руды в среднем в год. Однако Госнаб не мог выстроить такую же стройную систему, как Госплан. Дефицит был не просто бичом советской экономики, он был главным регулятором потребительского рынка. Так как социализм существовал только в рамках идеологии, а отменить деньги как средство платежа большевики не смогли или не сумели, то в СССР сформировался специфический потребительский рынок, не похожий ни на какие рынки Западной Европы, Евроатлантики или Азии. Потреб-

бительский рынок СССР существовал в параллельной экономической реальности и был скорее обузой государству.

Итак, в советской экономике существовали три параллельные торгово-финансовые реальности.

Реальность наличного рубля, в которой и существовал потребительский рынок, где боролись не на жизнь, а на смерть граждане за доступ к финским сапогам, телячьей вырезке, зеленому горошку и путевке в ГДР. Обороты в торгово-финансовой реальности наличного рубля исчислялись сотнями, тысячами и редко десятками тысяч рублей. Миллионы, конечно же, в СССР были, но так как не было частной собственности на средства производства, то у населения был только личный капитал, который можно потратить на личные нужды, купить дефицитный холодильник или «Жигули» и подняться вверх по потребительской лестнице, но который невозможно пустить в дело. В торгово-финансовой реальности наличного рубля личный капитал не мог стать капиталом частным. Таким образом, государство изымало добавленную стоимость, ограничивая право частной собственности. Государство сохраняло статус монопольного экономического игрока, предоставляя гражданам право тратить личный капитал на потребительском рынке, однако не давало возможности зародиться капиталистическим отношениям среди граждан. Эксплуатация человека человеком была невозможна в рамках государственной экономики. Например, государство назначает одного гражданина руково-

дить другим гражданином внутри государственного предприятия – треста или ЖЭКа, и за это руководящий получает от государства жалованье больше, чем руководимый подчиненный, но это жалованье начисляется не из изъятой добавленной стоимости, произведенной руководимым в пользу руководящего, а из общего бюджета. Жалованье выплачивает государство исходя из своих целей. Поэтому важные для государства отрасли, на которые опиралась государственная власть, вроде горнодобывающей или металлургической, получали сверхфинансирование. Промышленный рабочий и шахтер могли получать от государства жалованье больше, чем инженер, который разрабатывал машины для шахты или завода. Власть принадлежала партии, которая получила господство, опираясь на промышленный пролетариат, и поэтому государство выплачивало ренту своим социальным союзникам. Техническая интеллигенция была идеологическим подпольем (именно в среде советских инженеров взросло диссидентство) и выступала идеологическим оппонентом власти, поэтому рента для этого класса была значительно ниже.

Вторая торгово-финансовая реальность – это реальность безналичного рубля, который обеспечивал хозрасчет и торговлю на уровне предприятий, областей и отраслей народного хозяйства. В этой реальности обороты исчислялись десятками миллионов безналичных рублей. В экономике возникали финансово успешные феномены вроде колхозов-мил-

лионеров и комбинатов, на которых работали десятки тысяч граждан. Так как одной из главных задач советской экономики была тотальная кооперация, то прибыль не всегда была самоцелью. Задумка сталинской экономической системы состояла в том, чтобы связать между собой в промышленные цепочки разные регионы и республики. Миллионы рублей были скорее формальным исчислением экономической активности. Прибыль оседала на счетах предприятий, которые инвестировали ее в социальную инфраструктуру и расширение производственной базы. Так появлялись детские сады и поликлиники в заводских районах, кубанские колхозы строили копии московского ВДНХ, а фабрики поддерживали театры.

В безналичной торгово-финансовой реальности советской экономики уже оборачивался полноценный капитал, который можно было пускать в оборот и открывать новые производства, закладывая новые торговые пути и заключать многомиллионные контракты. Однако капитал этот был государственный, и хотя распоряжался им конкретный человек, сделать государственный капитал частным было практически невозможно. Нельзя было, как сегодня, перевести безналичный рубль на счет компании, занимающейся обналичиванием, и за 10–15 % комиссионных вывести наличные. Конечно же, были исключения, и отдельным гражданам удавалось увести государственный капитал и обналичить, но во-первых, это было противозаконно, а во-вторых, даже обна-

личный государственный капитал все равно оставался капиталом личным. То есть директор, укравший у своего завода миллион, максимум что мог сделать – построить втихаря еще одну дачу, оформленную на жену. Или забить квартиру золотом, фарфором и собраниями сочинений в суперобложках.

Таким образом, безличная финансовая реальность обеспечивала государству монопольное право на владение и производство средств производства.

И наконец, третья торгово-финансовая реальность – внешнеэкономическая. Там обороты исчислялись сотнями миллионов. В этой реальности оборачивался валютный рубль, привязанный к курсу доллара и ценам мировой биржи. Здесь рубль, собственно, переставал быть рублем и становился разменной валютой доллара США. Впрочем, как и все остальные валюты других государств, которые согласились торговать посредством мировых бирж, Советский Союз пытался уйти от привязки к мировой торговле с помощью прямых контрактов с крупными экономиками вроде Индии или Китая. Однако главным торговым партнером все равно оставалась Западная Европа, основным экспортом были энергоресурсы, поэтому уйти от мировых бирж не удавалось. К этой торгово-финансовой реальности были допущены только избранные представители правящих элит. Да и вообще сфера внешней торговли СССР была во многом государственной тайной. Это было

связано еще и с тем, что торговые представительства Союза активно использовались для разведки и организации экономической помощи союзным режимам в Африке, Латинской Америке и Азии. Поэтому внешняя торговля для советской экономики была больше, чем просто торговля. Валютный рубль выполнял две задачи. Во-первых, на него закупалась валюта, за которую потом приобретали дефицитные товары для потребительского рынка, технологии и средства производства для индустрии и промышленности. Во-вторых, валютный рубль обеспечивал всю внешнеполитическую активность СССР на мировой арене. Советская экономика проводила свой собственный проект глобализации – индустриализация государств Латинской Америки, Африки и Азии, вставших на путь социалистического развития, борьба за права угнетенных народов и поддержка коммунистического подполья, поставки вооружений союзным режимам по всему миру. Валютный рубль был обеспечен товарами, которые производила промышленность всего Союза, поэтому если вождь социалистической партии, взявший власть в своей африканской республике, получал кредит от СССР в несколько миллионов, то это гарантировало ему доступ к вполне конкретным товарам, средствам производства и технологиям, сделанным в СССР. «Made in USSR» был не самым плохим брендом на мировых рынках.

Все эти три реальности практически не пересекались. Человек мог одновременно управлять коллективом, обеспечи-

вающим добавленную стоимость в миллионы безналичных и десятки миллионов валютных рублей, и получать повышенное директорское жалование 700 рублей. Дополнительно пользоваться социальными благами вроде персонального автомобиля, кооперативной трехкомнатной квартиры, дачи и спецмагазина, где его жена могла без очереди всегда купить сервелат. Но получить доступ к миллионам, которыми управлял, он не мог.

Таким образом, госкапитализму СССР практически удалось ликвидировать капиталистические отношения внутри советского общества. Конечно, были отдельные явления вроде частных артелей, законодательно разрешенного артельного производства и торговли в Армянской и Грузинской ССР и кооперативных предприятий в сфере обслуживания. Однако это скорее исключения из правил.

Поскольку вся добавленная стоимость изымалась государством, то инвестировался капитал исключительно в государственные проекты. Так появлялись целые микрорайоны с доступным жильем, потому что у государства образовались излишки цемента, бетона, кирпичей и простаивающие бригады строительно-монтажных управлений. Ликвидация безработицы была главным критерием экономической эффективности. Так, на балансе предприятий появлялись спорткомплексы, санатории, театры и дома отдыха.

Государственный капитализм СССР, работающий по принципу, обозначенному Марксом как «азиатский спо-

соб производства», открывал возможности для создания социальной и научной инфраструктуры. Таким образом, государство давало гражданину возможность жить в инфраструктуре и идеологии социализма, но при этом его экономическая жизнь была подчинена законам капитализма, пускай и государственного. Государственный капитализм создавал инфраструктуру и идеологию социализма, потому что не давал образоваться частному капиталу. Тем самым сохранял чистоту отношений между гражданами, не позволяя эксплуатацию человека человеком. Критики советской экономики справедливо отмечают схожесть госкапитализма с армией или зоной, где каждому человеку жестко отведена своя роль. Однако это сравнение не совсем корректно, потому что мы имеем дело с обратными процессами. Наоборот, это армия и зона являются проекцией политэкономической модели СССР. И в армии, и на зоне разворачиваются процессы, аналогичные процессам в советской экономике и обществе. Дефицит становится таким же регулятором потребительского рынка. Только в армии дефицитом являются сигареты, на зоне – чай, а в остальном Союзе – финские сапоги и сгущенка. Впрочем, какой бы ни была экономическая модель Советского Союза, она уже в прошлом. Советская экономика имеет значение только в контексте преемственности экономики России.

Политэкономическая модель Российской Федерации уходит корнями в РСФСР. Политический и экономический пра-

вляющие классы РФ являются либо представителями, либо наследниками правящего класса РСФСР. Стоит напомнить, что разложение советской экономики началось в середине 80-х годов. Тогда в ходе либеральных хозяйственно-экономических реформ, известных под брендом «Перестройка», началось разгосударствление экономики. Сначала разрешили частную собственность на средства производства, так появились производственные кооперативы. Затем разрешили частный капитал в сфере услуг, так появились кафе и видеосалоны. И наконец, разрешили ведение внешнеэкономической деятельности, так появились советско-германские, советско-канадские и прочие совместные предприятия. Государство стремительно уходило из экономики, сдавая позицию за позицией. Сегодня сложно сказать, почему это происходило так стремительно. Почему Михаил Горбачев внедрял наиболее радикальные либеральные реформы, хотя даже внутри Политбюро его многократно предупреждали о губительности подобных решений.

Наиболее истинной видится социологическая версия о негласном сговоре правящего класса, который был раздражен невозможностью передать власть, должности и влияние по наследству. Вроде и власть у первого секретаря обкома есть, и влияние есть, и доступ к бюджетным миллионам есть, но максимум, что он может сделать для собственного сына, это помочь поступить в престижный московский или ленинградский вуз. И то если сын не балбес и экзамены не завалит.

Получить интересную должность для невестки может директор крупного комбината, но даже на этой должности придется лет десять поработать, прежде чем достигнешь достойной жердочки на социальной и потребительской лестнице. Передать по наследству ведомственную дачу и черную «Волгу» уже невозможно. Естественно, правящий класс был раздражен такой, как ему казалось, несправедливостью. Поколение фронтовиков передавало власть поколению послевоенному, на чью судьбу не выпало никаких испытаний. Власть досталась поколению, которое привыкло рассматривать государство как источник материальных благ, а социальный успех понимает как умение занять комфортную нишу и обеспечить персональное потребление.

Поэтому правящий класс увидел в либеральных реформах широкое окно возможностей. В отличие от народных масс, правящие элиты прекрасно знали все особенности советской торгово-финансовой реальности – и вокруг заводов стали появляться частные торговые дома и посредники, которые начали изымать добавленную стоимость вместо государства. Госкапитализм СССР стремительно терял прибыль. Но так как госкапитализм все равно был плановым, то расходы оставались прежними, дебет все больше и больше расходился с кредитом. На этом фоне начался финансовый сепаратизм национальных республик, которые стали оставлять добавленную стоимость себе, требуя покрытия социальных счетов из центра.

Все начали считать, кто сколько кому должен и кто кого кормит. Советские граждане по всей стране обсуждали, что хватит кормить этих бездельников из России/Украины/Армении/Средней Азии/Москвы/Прибалтики и так далее.

Процесс ухода государства из экономики сопровождался утратой авторитета государства как такового. Если в 70-х годах антисоветский анекдот, рассказанный публично, был серьезным вызовом, то в конце 80-х красные флаги уже сжигали, партбилеты сдавали, а над Лениным глумились. Идеология социализма постепенно вытеснялась либеральной идеологией: государство – неэффективный собственник; свобода частного предпринимательства; все должны уметь торговать; фермеры вместо колхозов; приватизация промышленности; закрытие финансово неэффективных производств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.